

Вообще право и религия есть два случая понимания, два случая отношения «Я» и «Ты», мышления и бытия, субъекта и объекта. И самое важное, понимание есть обязательно прибавление к бытию, оно – самый важный в жизни *поступок*, который совершает человек. И в нем важны оба момента: мысль, которая понимается, толкуется и интерпретируется, и мысль, которая понимает, толкует и интерпретирует. Значит, закон, мысль, которую толкует религия и право, один и тот же. Только право в истории Запада призвано подчеркнуть приоритет толкующего, религия же – толкуемого. Они *уравновешивают* друг друга, но порознь, и поэтому могут быть обеспечены изначально уравновешенным толкованием. Вот почему их постоянно сопровождает третий опыт, опыт *философии*.

Философия Запада стала тем горизонтом, края которого образовали религия и право. И эти края в точности повторяли за ней все ее видоизменения, особенно когда возникала проблема: какому именно закону следовать в конкретной жизненной ситуации: закону богов или закону государства?

*Качурова С. В.,
доцент кафедры логики Национального университета
«Юридическая академия Украины им. Ярослава Мудрого»*

Исторические системы церковно-государственных отношений

Противостояние религии и права, церкви и государства красной нитью проходит сквозь всю историю Запада. Более того, этот конфликт, может быть, как раз и является той связующей нитью *преемственности*, которая резко отличает Запад от всех других культур (по сути, не имеющих истории вообще), и которую Якоб Буркхард считал самым условием существования его культуры.

Действительно, если относительно одного и того же случая две авторитетнейшие нравственные субстанции – церковь и государство – предлагают диаметрально противоположные решения, то как быть? И так же, как когда-то во времена Софокла, скандально сейчас звучит вопрос о том, кто прав: следующий праву богов, или следующий праву государства? Конечно, в редакции античного трагика, нам больше симпатичен первый (Антигона). Современные исламские политики (например – Р. Кадыров: его высказывание о преимуществе шариата в отношении законов РФ) может быть не так эстетичны, но искренни в обращении к этой древней проблеме. Не случайно Достоевский вводит читателя в фабулу своего последнего романа именно через идею равного противостояния церкви и государства. У него Иван Карамазов в своей статье преднамеренно расставляет акценты таким образом, чтобы и клирик, и либерал могли бы принять автора за «своего».

Рассмотреть исторические этапы конфронтации религии и права, а уж тем более формы ее разрешения, пройденные Западом, – дело не простое. И, тем не менее, о трех предшествующих современности этапах можно говорить со всей определенностью.

Во-первых, этап непосредственного единства религии и права во времена античности был характерен столь же непосредственным их противостоянием. Античное *искусство* было призвано выразить эту непосредственность и целостностью осмысления ослабить губительный для общества конфликт религии и права.

Во-вторых, в эпоху средневековья изменилось содержание отношения религии и права, церкви и государства. Оно стало рефлексивным. Здесь о своей важности заявила *теология*. Начинала она с догматической проблематики, но расширение ее горизонта до пределов исторического исследования привело,

в-третьих, к возникновению этапа, когда государство само решило испытать себя в роли церкви, и наоборот, церковь, в роли государства. Так появился ближайший для нас опыт рождения, расцвета и гибели *идеологий* XIX и XX веков.

Этот третий этап соединил в одно то, что ранее средневековье разделило до противоположности. Это позволило создать настолько динамичные «синтезы» религии и права, искусства и теологии, что тысячелетние промежутки, необходимые для развития всех внутренних и внешних противоречий предшественников, «упаковались» всего лишь в *одно* столетие (три мировые войны: две горячих и одна холодная!; полный жизненный цикл совершенно оригинальных культур! и т. д.).

Таким образом, особенность содержания религиозно-правового противостояния каждый раз требовало определенной формы его разрешения. Непосредственная разность, когда каждый религиозный и государственный закон свободно проникали друг друга (вспомним обвинение Сократа, которое в другую эпоху было бы квалифицировано как религиозное преступление или преступление против религии), настолько удовлетворяла форме *искусства* (античная трагедия), что даже отсутствовало особое слово «религия», которое противопоставило бы светский опыт духовному. Это слово появляется только на закате античного мира и знаменует собой новую форму разности религии и права – их рефлексю.

Сущность же рефлексии такова, что здесь одно полагает себя через отрицание своего иного. Именно так в средневековье светский закон противопоставил себя закону церкви, и наоборот (всеобщее господство церковного закона в это время есть историческая фикция). *Теологическая* мысль в сфере рефлексии выполняла роль той самой формы, снимающей противоречия реального противостояния церкви и государства, которую ранее играло античное искусство.

В конце XVIII века, после эпохи Реформации, в век Просвещения и идей нового общественного устройства, в лексиконах языков Запада появляется слово, которое знаменует собой новый порядок вещей в системе церковно-государственных отношений. Идеология – это понятие, которое характеризует способность государства представлять себя как всемирную религию, и наоборот, способность определенной религии репрезентовать себя как

всемирное государство (иногда этот феномен определяют как «полицейская религия», что на наш взгляд является не совсем адекватным).

Когда в античности искусство снимало противоречие права и религии в идеальности своего произведения, то создавалось впечатление, что все три элемента системы «право – искусство – религия» совершенно самостоятельны и равнодушны в отношении друг друга. Поэтому и наука, рассматривающая их, не очень-то утруждала себя системной методологией (Платон, Аристотель, стоики).

В Средние века теология, заняв место среднего термина в системе «церковь – теология – государство», дала новую форму отношения. Здесь церковь и государство, будучи формально разделены (даже Верховный Понтифик не мог приказать монархам или губернаторам предоставлять светских юристов для участия в трибуналах инквизиции, а мог их только просить об этом), соединялись в «одно» рефлектирующей теологической мыслью Августина, Ансельма или Фомы Аквината.

Но еще более интересную модель рассматриваемых отношений дает система великих идеологий XX века. Здесь при той же противоположности опытов юридического и теологического сознания *каждый* момент системы «право – идеология – религия» рефлектирует в два других. «Доктрина» в Италии, «движение» в Германии или «учение» в СССР – это и церковь, и государственный орган, и особая наука по «усовершенствованию человечества» (именно этот первоначальный смысл имело слово «идеология») *одновременно*. А если при этом учесть также историческую форму снятия противоречия религии и права, то становится понятным еще ее (идеологии) роль как искусства и теологии XX века.